

✦ Классическое наследие

ЭЛСУОРТ ФЭРИС

ПРИРОДА И ЗНАЧИМОСТЬ ПРАВОВ*

В статье обсуждаются природа и значимость нравов как безличного, коллективного феномена, оказывающего ограничивающее воздействие на индивидуальное поведение. Выделяются и обсуждаются основные свойства нравов: нерациональность, неподатливость, непрерывная изменчивость.

In this article the author discusses the nature and significance of mores as an impersonal and collective phenomenon having a restrictive effect for individual behavior. The main characteristics of mores are emphasized and discussed: their non-rationality, their irresistibility, and their continuously changing character.

Ключевые слова: нравы, религия.

Keywords: mores, religion.

Одно из моих детских воспоминаний – разговор между двумя видными прихожанками церкви, в которой мой отец был пастором. Ожидалось, что их слова не пройдут мимо моих ушей. Одна христианка говорила другой: «Ты должна быть рада тому, что сегодня не пошла в церковь, ведь если бы ты там была, тебе пришлось бы поздороваться за руку с негром, которому мы протянули руку дружбы». Этот негр вручил свое сердце Господу, принял веру в Христа как сына Божьего, выказал свидетельства перемен в сердце и жизни и попросил принятия в христианскую церковь, принципы которой включают всеобщее братство всех людей и отвергают всякие различия между «евреем и греком, варваром и скифом, рабом и свободным». Озадаченный пастор принял эту новую возрожденную душу, но в дальнейшем отношения не сложились, и черная овца отбилась от стада. Сегодня в этой же общине такой претендент на членство был бы большой редкостью, но если бы он все же появился, пастор бы знал, как по-христиански отвергнуть его и убедить отложить до наступления иного мира всякие планы близкой связи со своими братьями во Христе.

В Новом Завете нет ничего, что требовало бы или даже оправдывало нынешнюю практику расового разделения и расовой дискриминации, или расовой сегрегации. Тем не менее мудрый религиозный лидер вынужден приспособливаться к существующим обычаям, и каждый, будь то белый или черный, сознает необходимость

* Перевод сделан по источнику: *Faris E. The Nature and Significance of the Mores // Faris E. The Nature of Human Nature, and Other Essays in Social Psychology. N.Y.–L.: McGraw-Hill Book Company, 1937. P. 216–225.*

этого. Причина этого полностью понятна социологу. В сегодняшней Америке нравы требуют расового разделения.

Под нравами мы понимаем практикуемые в обществе способы делания чего-то вместе с заложенными в этих способах верованиями, кодексами и стандартами благополучия. Нравы оказываются выражением специфического характера общества или исторического периода. Их нужно четко отделять от институтов и законов, хотя институты и законы из них вырастают и могут, в свою очередь, сильно на них влиять. Главное отличие состоит в том, что нравы невольно создаются массами людей по ходу того, как они решают свои жизненные проблемы. Мы даже не сознаем свои нравы, пока не увидим обычаи других народов или эпох. В некоторых обществах в обычае инфантицид. Ибибио в Нигерии всегда предают смерти близнецов сразу после их рождения. Инфантицид был принят в Греции, в случае слабых или увечных детей он даже считался священным общественным долгом. У нас отношение к инфантициду полярно противоположное, и все наши институты нацелены на заботливый уход за беспомощными идиотами, чьи перспективы развития выглядят совершенно безнадежными.

Одна из важных особенностей нравов — их моральная оправданность. Нравы всегда правы, и всякая агитация за их изменение неизменно тщетна. Греки приводили в пользу практики инфантицида евгенические аргументы, но такая агитация в наше время и у нашего народа нигде не достигает цели. Мы неспособны критиковать свои нравы, так как они стали неотъемлемой частью нашего видения жизни и мира.

Если нравы и меняются, то медленно, и их изменение никогда не бывает обусловлено индивидуальной инициативой. Здесь нет места теории великих людей. Когда нравы подточены косвенными и безличными силами, какой-нибудь лидер может нанести им смертельный удар, но это всего лишь последний удар в длинном ряду других.

У нас в Средние века и потом еще некоторое время никто не боролся с борделями, а колдовство принималось всеми как реальность. В то же время интерес к деньгам противоречил нравам. Мы не могли бы даже представить, что банкира-христианина в наши дни будут призывать к ответу за то, что он отказывается ссудить деньги под неадекватный процент, и тем не менее христиане столетиями считали это грехом. Жан Кальвин дал протестантам санкцию на это занятие, но Кальвин всего лишь выразил изменение в нравах, потихоньку происходившее в течение долгого времени.

Итак, нравы служат идеальным примером безличного и коллективного феномена, который индивидуальные члены общества усваивают, впитывая саму атмосферу, которой они дышат. Ибо люди, некритически принимающие нравы — а каждый народ так делает и всегда делал, — никогда не бывают теми людьми, которые их создали. Нравы всегда являются результатом прошлой жизни, и именно благодаря этому они предстают нам как естественные и нормальные, старые и установленные, правильные и верные.

Идеальную аналогию можно найти в родном языке, на котором мы все приучились говорить. У нас не было индивидуального предпочтения именно английского языка; к говорению на нем мы обладали не большей врожденной способностью, чем к говорению по-французски, по-русски или по-китайски; тем не менее мы стали выражать свои мысли именно этими словами и вести нашу коммуникацию английскими фразами. Мы не создавали английского языка, и никакой другой человек его не изобретал. Более того, английский язык меняется и всегда менялся. Вряд ли най-

дется хотя бы одно английское слово, которое не было бы неправильным с точки зрения англосаксонской речи, из которой оно выросло. Однако никто этих изменений не планировал, и мало кто сознавал, что они происходят. Так же и с нравами.

Поколение тому назад или около того Америка, отреагировав на кризис нашей национальной жизни, стала мировой державой. Этим мы отличаемся, например, от Швейцарии. Так вот, когда страна стала мировой державой, ее народ стал чувствовать, что он имеет право голоса во всех мировых делах, происходят ли они в Китае, на Самоа или в Центральной Америке. В итоге мы стали воинственнее; мы требуем лучшего в мире военно-морского флота. У нас есть генеральный штаб, готовящий хитроумные планы, называемые эвфемистически оборонными, против Японии, Англии и любого возможного врага. «Дочери американской революции» и съезд «Американского легиона» находят широчайшую поддержку этой установки. Президент квакеров, чья религия в прошлом настаивала на непротавлении злу насиллем, из раза в раз провозглашает программы, требующие, чтобы мы были сильны на земле и на море.

Наши нравы меняются, и никто не может найти человека, который был бы за это ответствен, ведь вообще нет человека, вызвавшего это изменение. Оно вызревает в жизни нашего народа.

Изучение нравов важно для лидеров в образовании и религии, ведь эти силы, заключенные в нравах, модифицируют своим постоянным действием работу церкви и школы. Полигамия у нас не в обычае, и каждый, кто станет отстаивать у нас полигамию, будет всего лишь, так сказать, сотрясать воздух. Иное дело развод. Он у нас, бесспорно, в обычае. Церковь всегда выступала против развода, но давление нравов, модифицирующее эту установку, всюду очевидно, и можно уверенно предсказать, что в установке христиан в конце концов произойдет изменение.

Нравы пуритан запрещали танцы, азартные игры, игру в карты и театр. Установки и практики церкви в этом вопросе медленно, но верно менялись. Многие городские протестантские церкви вечерами по пятницам устраивают в своих помещениях танцы и периодически организуют партии в бридж, если их члены отдают предпочтение этой форме физической культуры. Некоторые отделения YMCA в Чикаго не только оборудованы бильярдными столами, появившимися в них в последние годы, но разрешают также играть в карты и курить; где-то устраиваются танцы, но девушки, разумеется, всегда приходят на них в сопровождении компаньонов. Причины этих изменений интересны, но установить их с определенностью нелегко. У людей, ответственных за эти изменения, всегда будут находиться для них какие-то причины, но обычно это будут рационализации; иначе говоря, это разумные причины, хотя и нереальные. С точки зрения более широкой теории общества этот феномен являет нам распространение нравов, которые постепенно принимаются теми, кто вначале им противостоял.

Следовательно, можно выделить три основные характеристики нравов: их нерациональность, их неподатливость и их непрерывную изменчивость.

К нравам не приходят путем рассуждения. Поскольку мы приобретаем привычки, предписываемые нравами, в результате участия в жизни своего народа, они приходят без рассуждения и до рассуждения. Когда наши нравы оспариваются, на нас можно положиться в том, что мы будем их защищать, но другие люди будут столь же логично или столь же нелогично отстаивать противоположный тип действия. Если бы нас попросили привести причину того, почему мужчина должен в первую оче-

редь исполнять свой долг перед женой, а не перед родителями, мы поначалу были бы озадачены, но вскоре смогли бы найти обоснование собственных представлений и практик. Тем не менее есть народы, у которых преобладает прямо противоположный взгляд и считается, что это единственный мыслимый способ смотреть на вещи; при этом в пользу него будут приводиться столь же сильные доводы. Поскольку нравы иррациональны по происхождению, то приводимые резоны кажутся тем, кто унаследовал другую традицию, наивными и неубедительными. Ибо ни мы, ни они не пришли к своему обычаю путем какого-либо научного или рационального процесса. Нравы народа всегда складываются медленно и неосознанно, и они могут придать видимость правильности любому обычаю и не допустить осуждения чего угодно.

Рассмотрим установку по отношению к наказанию, преобладающую в наши дни у нашего народа. Представляется частью морального порядка мира то, что человек, совершивший тяжкое преступление, должен быть осужден к пожизненному жестокому обращению и лишен всех человеческих прав. Мы знаем, что это превращает его в руину, карикатуру на человека. Более того, это всегда пагубно сказывается на жизни тех, кто его охраняет и наказывает. Возможно, придет время, и американцы станут относиться к этой нашей практике с теми же чувствами, какие возникают у нас при воспоминании о том, как сто лет назад обращались с душевнобольными, но ни то изменение, которое мы видим в последнем случае, ни возможное изменение в исполнении наказаний не могут стать результатом внезапного принятия рационального плана, ибо наказание сегодня в обычае. Сторонники полной отмены наказаний — а такие существуют — встречают мало отклика в нашем народе. И не потому, что они неправы — ибо трудно с рациональной точки зрения защищать наказание, притом что оно ни от чего не удерживает и никого не исправляет, — а потому что нам нечего предложить взамен и наш народ не примет никаких предложений по его отмене. Наказание запечатлено в нравах. Итак, нравы иррациональны в том смысле, что привычки и чувства усваиваются нами тогда, когда мы воспринимаем все некритически.

Вторая характеристика нравов, которую следует подчеркнуть, — это их неподатливость. Они оказывают на индивидов принуждающее воздействие. Так обстоит дело не всегда, но это всегда имеет место там, где в нравах нет конкуренции. Прimitивные люди верят в магию не потому, что она работает, а вопреки тому, что она часто не работает. Нравы делают нас невосприимчивыми к опыту. Патриотизм, который прививают нашим детям школы и церкви, ответствен за широко распространенное представление, что Америка никогда не делала ничего плохого. Если люди живут в сообществе, в котором господствуют нравы, то они не могут ни сопротивляться им, ни критиковать их. Говорят, любой из нас приговорил бы сейлемских ведьм к смерти, случись нам сидеть на судейской скамье в те дни, когда царил этот обычай. В такой ситуации никакой противостоящий взгляд не находит точки опоры. Если нами будут командовать нравы, то мы будем подчиняться им, не ведая того, что нами командуют; мы будем доверяться принятому правилу, что бы нам ни говорили наши чувства. Когда Жанна д'Арк рассказывала о своем разговоре с ангелами, каждый верил тому, что она их видела. Но если бы ангелы небесные сошли в этот момент в нашу комнату, мы бы этому не поверили; мы, вероятно, стали бы искать веревки и провода; но, даже и не найдя их, большинство из нас не было бы убеждено в их реальности. Такие верования вышли из обычая, и потому мы уже не можем их иметь.

Когда они были в обычае, наши отцы не могли им противиться. Наш единственный шанс быть критичными дается нам тогда, когда есть хотя бы какой-то выбор между одной формулировкой нравов и противоречащей ей другой. Чтобы мыслить независимо, человек должен постараться родиться на культурном фронтире. В этом случае, если он не станет дезорганизованной личностью или циничным скептиком, он сможет приблизиться к рациональной жизни.

И, наконец, третья характеристика: нравы изменчивы. Живя в заданных ими рамках, мы можем не видеть их изменение и не сознавать их историю, но они никогда не бывают совершенно фиксированными, а иногда крупный кризис может вызывать быструю их трансформацию. Идеи контроля над рождаемостью постепенно утверждаются среди нас, и экономические силы нашего времени, вероятно, вынудят даже католическую церковь признать и принять это изменение. В этом случае мы можем ожидать от теологов, что они будут отстаивать новый обычай так же искусно, как они демонстрируют в настоящее время его нежелательность. Важным моментом является безличный и косвенный характер сил, заставляющих нравы меняться. Они меняются так же, как наш язык или наши моды, и часто мы не сознаем изменение до тех пор, пока оно уже не произойдет.

Если теперь присмотреться к связи нравов с религией и религиозным образованием, то мы обнаружим, что эта связь теснее, чем мы могли вначале предполагать. Историк религии прослеживает меняющиеся теологические концепции, меняющиеся представления о Боге, Христе и его страданиях, о природе церкви и о самой религии. Эти изменения были многочисленными и важными. Карлейль как-то сказал, что ни один человек не поклоняется Богу своего деда, имея в виду, конечно, что представление, которое человек имеет о Боге, претерпевает постоянное изменение.

Но откуда приходят эти изменения? Почему мы отказываемся от Бога, который до основания мира предопределил некоторому числу людей вечную жизнь, а другому — неизменному, но несоизмеримо большему числу людей — вечное наказание в геенне огненной? Историк обычно отбирает какого-либо влиятельного автора, сформулировавшего новую концепцию. Но правильнее было бы сказать, что это изменение было обусловлено нравами, что, когда моральные идеалы народа претерпевают постепенное изменение, вслед за этим приходит новая церковная формулировка, отражающая новое видение ее кредо. Искупление Христа мыслилось некогда как коммерческая сделка, в которой Христос оплатил своей жизнью долг обанкротившегося сообщества. В другую эпоху люди мыслили смерть Христа как выкуп, отданный дьяволу, уже почти было одержавшему верх в войне против Господа, но обещавшему в обмен на это освободить плененные души. Объяснение кроется в нравах эпохи. В торговую эпоху Иисус оплачивал долг, а в военную стал выкупом. Дело не сводится к тому, что жизнь эпохи дает свои фигуры речи и образы, здесь заключено много больше. Само понимание добра и зла бывает в разные эпохи разным, и нравы народа кристаллизуются в убеждениях церкви.

Кто-то назвал теологию трансцендентализированной политикой. Не менее правильно было бы говорить о теологических представлениях как об идеализированных нравах прежних времен.

Иногда слышатся упреки, что адаптации, подобные вышеупомянутым, в которых церковь или христианская ассоциация идет на уступку желаниям и обычаям молодых, предосудительны, поскольку представляют собой уступку злу или измену

убеждениям. Судя по всему, это легковесное утверждение. Христианской молодежи дозволяется танцевать или играть в бридж тогда, когда нравы изменились уже настолько, что можно эти практики одобрить или, по крайней мере, считать их безвредными. Церкви никогда не удавалось успешно противостоять нравам эпохи или народа.

Если бы мы на этом остановились, мы были бы не только превратно поняты, но и повинны в серьезной ошибке. Ранние социологи, формулируя учение о нравах, на этом останавливались, что имело печальные последствия для ясности их мысли и долгосрочной ценности их работы. Они знали, что нравы сильны и индивиды не в силах им противостоять, но совершали при этом естественную ошибку, допуская, что мы беспомощны в своих попытках направлять свою жизнь и обречены ждать попутного ветра и дрейфовать без всякой цели, пока нас не подхватит какая-нибудь волна.

Как бы ни была естественна эта ошибка, в ней игнорировался важный аспект, состоящий в возможности выбора в условиях сложности нравов. А в такой большой и густонаселенной стране, как Америка, нравы всегда сложны. Неверно говорить, что пьянство в обычае у американского народа. Несомненно, есть большие группы людей, в которых нравы допускают и поощряют употребление алкогольных напитков. Но столь же верно и то, что в других ареалах и группах употреблять алкоголь не принято. Так было в целых популяциях, например у мусульман. Во времена, когда эти два представления о жизни входят в конфликт и людей призывают включиться в ожесточенные кампании, приняв ту или другую сторону в этом вопросе, вся иррациональность и неподатливость могут исчезнуть, и мы можем обрести способность предвидеть последствия и принимать решения согласно той или иной альтернативе в зависимости от того, какую из них мы сочтем несущей нам более желательные последствия. Мы можем в любой момент оказать сопротивление нравам, если нам будет явлена альтернативная организация. Наши привычки сильны, но могут быть реорганизованы.

Нигде так не очевидна необходимость принятия во внимание того, что социологи знают о нравах, как в работе зарубежных миссионеров. Установка типичного миссионера — это установка наивного принятия нравов своего народа и смешения существенных элементов христианской Благой вести с несущественными обычаями, с которыми он всю свою жизнь был знаком. Неосознаваемое допущение того, что туземная культура может быть целиком заменена культурой его собственного народа, вело к результатам, которые в одних случаях были несколько проблемными, а в других — весьма и весьма дезорганизующими. Работа миссионера всегда будет вести к сплавлению, или синкретизму, культурных элементов. Полностью выкорчевать туземную культуру невозможно. Проблема того, что сохранять, а что порицать, всегда присутствует, и если не ставить ее в этих терминах, то это может обернуться относительной неудачей.

Одна хорошо известная мне группа породила неожиданную суматоху и едва ли не бунт, настаивая на том, чтобы туземцы-христиане в Африке коротко стригли волосы. Ее члены не предвидели возражений, но оказалось, что изменение сопровождалось глубоким эмоциональным сопротивлением. Не найдя удобного пути к отступлению, они в итоге все же одержали верх, но полученный результат не пошел на пользу делу, коим они были заняты.

В другой раз эта же группа отлучила туземца-христианина от церкви за то, что он позволял родственникам лечить его принятым способом, то есть горячими ван-

нами, и сделала это на том основании, что все туземные методы лечения должны быть сурово отвергнуты. В третьем случае туземного вождя бросили умирать без помощи врача-миссионера, так как его люди настаивали на применении дополнительных туземных методов лечения. В последнем случае вся деревня была настолько шокирована, что миссионерская станция фактически прекратила свое существование.

Это непризнание нравов и отказ считаться с ними производят из раза в раз интересный цикл. Люди, принимая новые доктрины и обычаи, находят их интересными и доставляющими удовлетворение, но нравы народа настолько сильно удерживают под контролем аффективные состояния и привычки, что регулярно проявляется период «отката» и реакции, когда люди, пассивно терпевшие новую доктрину, начинают активно ей противостоять. Факторы протестантской религиозной ситуации в Южной Африке слишком сложны и запутанны, чтобы можно было отделаться простой формулой, но я рискну с уверенностью высказать мнение, что распространенной последовательности бунта и последующего обособления туземной церкви от белого лидерства — что, по моему мнению, почти трагедия — можно было бы избежать, если бы миссионеры с самого начала своей работы считались с феноменом нравов и избегали ненужных конфликтов. Я не рискую выступать с пророчествами в отношении происходящего в Центральной Африке (это более поздняя глава в истории миссионерских усилий), но нет ничего невозможного в том, что методы, применяемые там сегодня, приведут, в конечном счете, к туземному бунту, в полном соответствии с паттерном южноафриканской церкви. Этот феномен невнимания к нравам, ведущего к вышеназванным результатам, не ограничивается Африкой, но может быть увиден и во многих других частях поля миссионерской деятельности.

Довольно интересное подтверждение принятая здесь позиция находит и при сравнении с методами католических миссионеров. Протестанты порой пренебрежительно отзываются об их методах, говоря о результате их работы как о компромиссе с язычеством. Это, безусловно, верно, но наградой за этот компромисс служит стабильность туземной католической церкви. Более того, логика нашего обсуждения с необходимостью предполагает, что компромисс в какой-то степени неизбежен и должен быть, следовательно, осознанным и продуманным. Этот синкретизм имел место всегда и везде. Этимология слова «Пасха» известна всем ученым, и если это слово фигурирует в Новом Завете, то лишь потому, что языческая богиня весны была обращена в христианскую церковь задолго до того, как появился перевод. Нам не доставляет никакого неудобства языческое вечнозеленое дерево в дни Рождества, не доставляют его и пасхальные яйца или даже пасхальные кролики. Но ведь это примеры того, как нравы наших отцов встретили терпимое отношение и переоценку со стороны тех, кто принес им христианство.

Нравы всегда кажутся правильными, если они старые, но правильны они не всегда, и, когда одни нравы входят в конфликт с другими, правильность их перестает быть несомненной. Религиозные лидеры не должны пребывать в бездействии, сталкиваясь с нежелательными нравами, но знание того, как безличные обычаи народа изменяются, намного повысило бы действенность любых попыток преобразования общества.

В ключевых пунктах религия рациональна и индивидуальна. В других отношениях религия социальна и эмоциональна. Религиозное образование, по всей видимости, в корне отличается от образования арифметического. Знание нравов позво-

лит по-новому понять место ритуала в жизни народа. Наши дети даруются нам в гибком и восприимчивом состоянии. Мы не можем надеяться на воспроизводство нашей культуры в существенных ее аспектах, ставя во главу угла проблемы или исходя из того, что маленькие дети должны тщательно разобраться в высших жизненных ценностях. Скорее наша задача состоит в том, чтобы выбрать приемлемые формулировки нашей культуры и терпеливо и сдержанно, вдумчиво и с любовью стараться мало-помалу ввести незрелых членов в нашу общую жизнь. Нравы не перестают быть нравами оттого, что они христианские.

Понимание этих вещей должно помочь нам в приобретении двух очень важных добродетелей: симпатии к другим, когда они следуют нравам, которых мы не принимаем, и скромности в нашей установке по отношению к себе, своим верованиям и своим практикам. И коль скоро очень многое в нашей жизни определяется нравами наших отцов и очень многое из нашей истории забыто, то мы ответственны за то, во что мы верим и чему мы учим, гораздо меньше, чем нам иногда думается. Наша оригинальность — это часто результат нашей ущербной памяти.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

ЭЛСУОРТ ФЭРИС

УСТАНОВКИ И ПОВЕДЕНИЕ*

В статье дается критика радикального бихевиоризма с позиций социальной психологии Мида. Автор принимает определение психологии как науки о поведении, но показывает, что при изучении человека внешнее поведение нужно связывать с его субъективным аспектом — установками. Природа установок проясняется через соотношение их с рефлексивными актами, объектами (ценностями), желаниями и мнениями.

In this paper the radical behaviorism is criticized from the perspective of G.H. Mead's social psychology. The author accepts the definition of psychology as a science of behavior but shows that in case of human being the overt behavior should be related to its subjective aspect, i.e. attitudes. The nature of attitudes is clarified through their relation to reflective acts, objects (or values), wishes and opinions.

Ключевые слова: установка, поведение, бихевиоризм, психология, действие, рефлексивный акт, объект (ценность), желание, мнение.

Keywords: attitude, behavior, behaviorism, psychology, action, reflective act, object (value), wish, opinion.

Николаев Владимир Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Государственного университета «Высшая школа экономики» (Москва). Наш постоянный автор и переводчик. E-mail: vnik1968@yandex.ru.

* Перевод сделан по источнику: *Faris E. Attitudes and Behavior // Faris E. The Nature of Human Nature, and Other Essays in Social Psychology. N.Y.—L.: McGraw-Hill Book Company, 1937. P. 144-154.*